

KASE: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Приходилось принимать непростые решения

Кадыржан ДАМИТОВ (Председатель Национального Банка Республики Казахстан в 1998–1999 гг.), член Совета директоров – независимый директор АО «Единый накопительный пенсионный фонд», член Совета директоров – независимый директор АО «Казахстанская фондовая биржа», член совета ОЮЛ «Ассоциация финансистов Казахстана».

В финансовой истории Казахстана было немало и ярких, и сложных периодов. Для меня, пожалуй, самым сложным и памятным было последнее десятилетие XX века, когда приходилось принимать решения поистине в труднейший для нашей страны период.

Когда в феврале 1998 года я стал председателем Нацбанка, уже начинался азиатский кризис. Он охватил Таиланд и Индонезию, позднее зацепило Южную Корею. Непокойно было и в России, которая была с нами связана тесными экономическими отношениями. Нас беспокоило развитие ситуации, но немного успокаивали слова Бориса Ельцина о том, что никакой девальвации рубля не будет. Но вскоре после его заявлений, 17 августа 1998 года, случился российский дефолт.

Помню, что накануне, дня за два–три до этого, я взял краткосрочный отпуск и уехал в санаторий под Алматы, так как это был самый спокойный период. Пробыл я там пару дней, как вдруг звонят: «В России ужас... что будет...». События развивались стремительно, рубль начал свою обвальную девальвацию с 6,43 за доллар США и вскоре достиг уровня 20 рублей за доллар. Курс доллара по отношению к рублю за короткий период вырос почти в 3 с лишним раза.

Это привело к резкому диспаритету цен на внутренних рынках России и Казахстана, так как до дефолта один российский рубль стоил порядка 12 тенге, а стал в четыре раза дешевле, то есть российские товары, соответственно, стали стоить в три–четыре раза дешевле в тенге, что и привело к резкому росту импорта и оттоку валюты. Началось давление на рынок. К нам хлынули дешевые российские товары. Казахстанцы ехали в Россию, скупали там продукцию и торговали ею уже здесь, фактически зарабатывая на обесценивании рубля.

Многие горячие головы говорили, что надо немедленно устанавливать курс пропорционально, то есть умножить на 4 – до 320 тенге за доллар. За это выступили некоторые крупные компании-экспортеры. Но что было бы с рынком, с населением, если бы мы приняли такое резкое решение?

Стало понятно, что нужно более взвешенное решение в целом по экономической политике в новых условиях. Чтобы выработать алгоритм действий, была образована рабочая группа, создан Совет по экономической политике (СЭП), который возглавил премьер-министр РК. В него также вошли первый вице-премьер Ораз Жандосов, министры. СЭП был небольшой – всего

человек шесть–семь, но решения, которые там принимались, потом оперативно оформлялись решениями правительства и Нацбанка.

Другими словами, принятию решения о свободно плавающем обменном курсе в апреле 1999 года предшествовала колоссальная совместная работа правительства и Нацбанка. Совместно с правительством и всеми министерствами мы работали по стабилизации ситуации. Мы рассмотрели все возможные сценарии: фиксированный курс, коридор, свободно плавающий.

Мы разрабатывали и прогнозные сценарии развития ситуации, в зависимости от принятия того или иного решения. Можно говорить, что была создана определенная прогнозная матрица, вобравшая все основные факторы и показавшая преимущества перехода к режиму свободно плавающего обменного курса тенге (СПОК) в апреле 1999 года. В том числе и возможные риски – перед глазами была ситуация в России. К слову, все это существенно повысило уровень работы аналитических служб в Национальном Банке.

Режим СПОК был введен с 5 апреля 1999 года. По нашим расчетам, мы видели планку в 150 тенге. Но нам важно было понять, как оценивает курс рынок, будут ли «взяты» те 300 тенге за доллар, на которые нас уговаривали.

Кто-то на биржевых торгах в первые дни очень осторожно попытался проводить покупки на уровне 155 тенге. Продали по этой цене всего тысячу долларов. Еще какое-то время курс был сильно волатилен, а потом рынок более-менее успокоился. Конечно, в обменных пунктах были другие ценники. Но максимум, о котором мы знали, – 200 тенге за доллар в некоторых регионах в первые дни.

Примечательно, что в эти дни торговались небольшие объемы: все тестировали, что будет. Потом, когда участники торгов и население увидели, что апокалиптической ситуации нет, а рыночный курс стал складываться где-то в районе 120 тенге, все, кто «сидел» в долларах, стали сбрасывать валюту.

Нацбанк же, наоборот, «встал» снизу. Потому что, если бы мы не заняли эту позицию, то курс опять бы укатился за 100 тенге вниз, но это не было бы устойчивым состоянием. Рынок вскоре начал консолидироваться на уровне 115–117 тенге за доллар с колебаниями в ту или иную сторону.

Таким образом, Нацбанк установил курс на основании биржевых колебаний, посмотрев на настроения рынка и стоимость валюты, сложившуюся в ходе торгов. Мы не устанавливали курс жестко, административно, мы изучили ситуацию и приняли фактически рыночное решение.

Были мнения, что курс надо было «отпускать» раньше. Но я считаю такую задержку с решением, с учетом всех факторов, вполне оправданной. Нужно было время, чтобы пришло понимание необходимости смены курсовой политики. Мы стали понимать, что нужно двигать не валютный «ценник», нужно менять сам режим курсообразования и увязывать это с общей экономической политикой. Мы стали анализировать факторы и их сочетания, которые следует учитывать. Например: изменение курса рубля в ту или иную сторону, падение стоимости нефти (в тот год в моменте она опускалась ниже 9 долларов за баррель), цены на сырьевые товары, уровень ВВП, состояние бюджета, ставки на международном финансовом рынке и др.

Мы наладили более тесные отношения с ЦБ России, изучая разные сценарии реагирования. Рассматривались даже предложения установить фиксированные курсы с российским рублем. Но здесь мы отчетливо видели возможные риски на фоне происходящего в российской экономике и не пошли на это.

Хотя Нацбанк, сдерживая рост доллара, потратил часть своих резервов, люди, которые хотели приобрести валюту, смогли это сделать. Кроме того, государство приняло беспрецедентные меры защиты населения по их вкладам. Напомню, что те, кто после девальвации 1999 года еще полгода держали свои депозиты в банках, смогли снять их и обменять по старому курсу – до девальвации. Была господдержка пенсионных фондов и юридических лиц.

Помню, за эти социальные меры поддержки нас критиковал МВФ, но государство компенсировало потери всем, кто выполнил условия, объявленные при переходе на СПОК в апреле 1999 года.

То есть надо понимать, что решения о смене режима обменного курса, изменениях в валютном регулировании принимались не спонтанно. Вначале правительство и Нацбанк проделали большую аналитическую работу и сняли накопившиеся к тому моменту вопросы, связанные с валютным регулированием, международными расчетами.

Было важно донести до всех, что на биржевых торгах потолка может и не быть. И если ты сегодня купил доллар за 150 тенге, то завтра курс может и упасть до 120. Такое в нашей истории рынка происходило впервые, но было важно людям показать, что курс может двигаться как вверх, так и вниз в силу рыночных факторов.

При прежней курсовой политике в нашей истории все было по-другому: вначале шел быстрый рост девальвации, потом наступила какая-то стабилизация, и с 1995 года мы двигались по 10–12 тенге за год. Получается шаг – один тенге в месяц. А здесь мы сказали: «Так больше не будет, сами считайте, сами думайте». Мы говорили: «Казахстан – открытая экономика. Противостоять всему мировому рынку сырья, где цены могут двигаться и вверх, и вниз, мы не сможем. Ситуация с российским рублем тоже вне нашего контроля». Люди это поняли, и в итоге наш рынок быстро, по сути, за неделю, успокоился. Потом мы просто наблюдали, что происходит с нефтью, что – с рублем и как рынок на это реагирует.

После того как мы скорректировали курс, начался приток валюты. Основным покупателем валюты стал Нацбанк, в какие-то дни мы покупали на рынке 20 и более млн долларов США, и то, что НБ РК ранее продал на рынке, потом быстро стал накапливать в свои золотовалютные резервы. Валютный шок был пройден. А потом и нефть пошла вверх. В стране начался большой приток денег, и это попало на благодатную почву уже более-менее реформированной экономики.

В нулевых годах нового столетия и тысячелетия произошел взрывной рост экономики. Банки стали сильно расти, у них появилась возможность выпускать евробонды. Казахстан получил инвестиционный рейтинг, бюджет стал существенно пополняться доходами. В октябре 1999 года я был назначен советником Президента Республики Казахстан, но продолжал оставаться членом Правления Нацбанка.

Еще один памятный период моей работы связан с самой KASE. Я пришел на биржу первым руководителем в мае 2009 года. К тому времени вроде бы произошла какая-то стабилизация экономики после кризиса 2008 года. Но если говорить о бирже, то все проблемы рынка облигаций пришлось как раз на 2009 год. Поэтому, с одной стороны, мы решали текущие вопросы, а с другой – принимали антикризисные меры. Тогда была реализована очень правильная идея создания буферной зоны. Она позволяла поместить на время в «карантин» проблемного эмитента, «подлечить» его и снова перевести на основную площадку. И такие успешные примеры есть. А в целом тогда пришло понимание, что фондовому рынку нужны новые инструменты.

В те годы мы проделали достаточно большую работу: стали системно разбираться в том, что такое фондовый рынок с точки зрения биржевых технологий и общего правового регулирования, потенциала эмитентов, инвесторов, включая иностранных. IT-служба KASE за те годы существенно подтянулась. Мы получили грант от ЕБРР на консультации по стратегии развития, системно укрепились контакты KASE с зарубежными биржами. Мы стали более активно работать в международных биржевых организациях.

Тогда же стала обсуждаться на всех уровнях идея приватизации национальных компаний и проведение более широкого, более открытого «Народного IPO». В итоге программа была запущена, и KASE стала основной торговой площадкой. Фонд «Самрук-Казына», KASE, ведущие брокерские компании проделали на этом проекте очень большую работу. Могу с гордостью сказать, что я не только занимался общей организацией процесса, но и, когда мы отлаживали программное обеспечение, работал с IT-департаментом, торговым департаментом, вникал во все нюансы. Мы понимали, что будут десятки тысяч клиентов сотни тысяч транзакций. Поэтому надо было всесторонне проанализировать, как сработают биржа, брокеры, эмитенты, Центральный депозитарий, расчетная система в те дни, когда нужно будет собирать заявки, когда пойдет окончательный расчет.

Мы установили для себя очень высокую планку, и я считаю, что в итоге технологически сделали очень хороший проект. В период сбора заявок, во время открытия торгов не было ни одного сбоя, поэтому биржа вполне может гордиться этим проектом. Через него, я думаю, и специалисты KASE многие вещи увидели под другим углом зрения. Новое программное обеспечение, разработанное специалистами биржи, для размещения акций АО «Казтрансойл», позволило не только успешно провести само размещение, но и впервые дало возможность получать детальную статистическую информацию как в ходе размещения, так и в процессе последующих торгов. На этой базе в последующем было также успешно проведено «Народное IPO» АО «KEGOC».

Успех программы «Народного IPO» обеспечили многие факторы. Главное – у всех было понимание, что фондовый рынок должен развиваться, должны активнее привлекаться розничные инвесторы. Должны появляться новые инструменты. Также было понимание того, что национальные компании должны быть более открытыми и прозрачными, а стандарты корпоративного управления должны стать приоритетными. Можно с уверенностью сказать, что к этому успеху причастна и наша биржа.

...KASE, как и тенге, имеют один год рождения, вместе они составляют четвертьвековую историю нашей финансовой системы, и эта история продолжается.